

РОТАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР ОТХОДНИЧЕСТВА КРЕСТЬЯН РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

А.Н. КУРЦЕВ

*Курский государствен-
ный университет*

e-mail: historuss@mail.ru

Статья является первым специальным исследованием о ротационности отходничества. На основе архивных данных, статистических материалов и нарративных публикаций раскрыты сущность, важнейшие проявления и значения ротации, включая авторский вывод о наличии жизненного цикла, типичного для мигрантов: детство в деревне, юность в отходе и возвращение через 1–2 десятилетия домой, где вчерашний горожанин и проводил старость, отправляя на заработки подростокское потомство.

Ключевые слова: история миграций россиян, ротационная форма отходничества селян: сущность, важнейшие проявления, значение.

С 1861 г. Россия переживала начало ускоренного перехода от аграрной цивилизации к индустриальному обществу, типичной чертой которого являлось усиление отхода крестьян в крупные города и другие промышленные центры. Пореформенное развитие этого миграционного движения порождало сочетание социальных выбора и отбора отходников, которые обусловили постоянную ротацию кадров в отходе, одновременно являвшихся полукрестьянами/полуселянами и полурбочими/полугорожанами.

В отношении предлагаемого нами авторского определения «ротация» заметим, что в лучшем случае историки довольствуются архаизмом современников «текучесть» и т.п., причем обычно ограничиваясь только упоминанием данного явления. Например, приведем указание В.А. Федорова об отходе в Москву, где «даже для начала XX в. была характерна “текучесть”, смена состава “пришлого” населения»¹. Большинство же исследователей оставляют таковую без всякого внимания, поскольку представляют отход лишь процессом концентрации селян в крупных городских центрах: «сосредоточением в городе... сельского населения, трансформацией крестьянства в промышленных рабочих»²; «вновь прибывающие отходники через своих земляков в городе находили работы, жилье»³; «крестьяне... нередко совершенно порывали с земледелием, постоянно жили и работали в городах»⁴; «из аграрных уездов [Владимир. губ. – А.К.] население ехало в Москву (где работала половина всех отходников), Нижний Новгород, Петербург и другие города»⁵; «в отход уходили не только лишние, но и необходимые, нередко единственные в семье работники – мужчины»⁶ и т.п. Как видим, акцент делается на растущий приток селян в город.

Между тем, определение «отхожее занятие» происходит от «временно отходить» из родного селения, а не «уходить навсегда» на новое место, что прямо указывает на временность и возвратность таких миграций⁷. Важнейшим механизмом функционирования отходничества являлась ротация, обеспечивая исходный подбор способных кандидатов и конечную замену постаревших работников, включая их возврат на родину.

¹ Федоров В.А. Крестьянин-отходник в Москве (вторая половина XIX в.) // Русский город. Вып. 6. М., 1983. С. 197.

² Проскурякова Н.А. Крестьяне – мигранты в Москве в конце XIX – начале XX вв. // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. М., 2006. С. 47.

³ Верняев И.И. Молодые крестьяне – отходники в городе и деревне: изменения групповой идентичности (по материалам Северо-Запада России начала XX в.) // Там же. С. 49.

⁴ Никулин В.Н. Неземледельческие отхожие промыслы крестьян Петербургской губернии в пореформенные годы // Там же. С. 60.

⁵ Петровичева Е.М. Роль неземледельческих промыслов в крестьянском хозяйстве в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Владимирской губернии) // Там же. С. 61.

⁶ Александров Н.М. Влияние отхожих неземледельческих промыслов на социально-экономическую жизнь пореформенной деревни (по материалам Верхнего Поволжья) // Там же. С. 69.

⁷ Здесь и далее см. описания быта крестьян в различных губерниях на конец 1890-х – начало 1900-х гг.: Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1434. Л. 1-16; Д. 1457. Л. 1-59; Д. 1740. Л. 1-38; Д. 1743. Л. 1-20; и др.

Наличие в деревне объективных факторов потенциального действия: избыточность трудовых ресурсов в условиях растущего малоземелья, сокращение доходов от занятий земледелием, общинные ограничения, бытовая отсталость и пр. дополнял субъективный выбор части крестьянской молодежи, ищущей в городе более престижные места приложения труда, которые позволяли иметь высокие заработки, открывали доступ к атрибутам нового, служили повышению социального статуса и чувства личной свободы.

Однако в городе отходники проходили жестокий отбор на право оседания там для постоянного жительства, имеющий объективные и субъективные стороны. Первые касались любого новосела: ограниченная емкость их трудовой востребованности, невозможность иметь собственное жилье и отрыв людей от своих семей, ждущих их на родине, постоянная угроза увольнения с непременно расчетом в преклонном возрасте и соответственно отсутствие гарантий на материально обеспеченную старость. Преодоление данных препятствий преимущественно зависело от различных способностей индивидов по адаптации к новым условиям жизни, особенно в освоении городских профессий.

Большинство селян быстро отсеивались домой, ежегодно сменяемые новым поколением молодежи. Некоторые юноши и часть девушек, лишившись достойного источника городских заработков, пополняли ряды люмпенов: преступников и проституток, бродяг и нищих.

Меньшинство отходников, постепенно адаптируясь, становились квалифицированными неземледельческими работниками, поддерживая деньгами свое крестьянское хозяйство, обязательно навещая родных, а зачастую оказывая помощь в сезон полевых работ. Приведем рассуждения тульского крестьянина за 1890-е гг. Будучи литейщиком на московском заводе, где «артелями живут, а семейство в деревне», ибо домашние ведут обработку земли, разводят скот, содержат избу, т.к. «чуть что коснись, скажем, работы нет, скажем, заболел, стар стал, – куда денешься? На улицу помирать? А тут все-таки свой угол...», тем более что «наша работа вредная», «до сорока лет мало кто доживет здоровым. Куда тогда пойдешь? В деревню, больше некуда»¹.

Подобный выходец из тверской деревни писал, что «тогда фабричный оставался тем же крестьянином». Летние «месяцы работал в деревне, где оставалась его семья». В зимний период на работе «в городе всеми мыслями был связан с родными полями. По настоящему он считал себя человеком земли, а на фабричную работу смотрел как на временную»².

По свидетельству тульской администрации об отходе в Москву на 1897 г., отдельные лица перевозили в город семью, которая накануне наступления старости рабочего «опять возвращается в деревню, поправляет дома усадьбу и заводит вновь хозяйство»³.

Подробные сведения содержат поселенные описания за лето 1912 г., в т.ч. по дер. Прончицево Каширского уезда. «Из всей деревни живут на стороне около 50 чел.; большей частью на бумагопрядильных фабриках Москвы... Отхожий промысел возник очень давно: ходили даже до воли человек 15», т.е. до 1861 г. «Отход на сторону увеличивается – вследствие постоянных причин: увеличения членов семьи», причем «уходят на сторону лишние члены семьи»; «по бедности семьи» и «отсутствию местных заработков».

«На промысле живут все время, бывают дома на Пасху и Рождество; на полевые работы никто почти в деревню не приходит». «В Москву ездят по железной дороге, весь проезд обходится около 3 руб.»

Месячная зарплата за отхожую карьеру постепенно повышается – от 17 до 30 руб. «Зарботок зависит от возраста, ловкости, пола, грамотности, а главным образом от продолжительности занятия данным ремеслом». Деньги на родину (обычно почтой) высылают не регулярно: «когда захотят, тогда и пришлют». «Месячная присылка от 2 до 7 руб.; деньги эти тратятся на подати и продукты, которые не вырабатываются в хозяйстве». «Жизнь на промысле гораздо лучше деревенской во всех отношениях: чище помещения [в фабричных «казармах» для «одиноких» мигрантов. – А.К.], одежда, лучше харчи». «Рабочий день продолжается от 9 до 10 часов».

¹ Вересаев В.В. Собрание сочинений в 5 т. Т.1. М., 1961. С. 205, 209, 213-214.

² Гордеев М.Г. Полвека унижений и борьбы: Повесть жизни ресторанный человека. М., 1925. С. 16.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 2. Д. 300. Л. 19.

Досрочный «отказ от места» неудобным и увольнение престарелых оборачивались их возвращением домой к сельскохозяйственному труду. Семейной «заменой» служили «подростки», которые поступили на промысел «учениками» с обязательной родственной или земляческой «рекомендацией»⁴.

Конкретные портреты отходников рисуют множество подворных карточек, включая типичную картину по хозяйству Н.А. Пантюхина. Владелец (55 лет) давно оставил отход и вернулся к занятиям сельским хозяйством. При 6,3 дес. наделной и 1,6 дес. арендованной (снимая ее «за деньги») земли двор теперь продает излишки урожая: рожь и овес (на 16 и 12 руб. в год). Семья имела 2 рабочих лошадей, корову и иной скот; избу и ригу, новый плуг и остальной инвентарь. Главным помощником выступает супруга (45 лет), т.к. дочери только 13 лет, а сноха (25 лет) занимается воспитанием своих малолетних детей. Единственный сын с 15 лет круглогодично на заводе в Москве, обучившись на литейщика и овладев грамотой (отличаясь этим от неграмотного отца), высылает родителям, своей жене и трем детям 60 руб. в год. Личные связи с родным домом у 25-летнего на 1912 г. наследника осуществлялась посредством кратковременного пребывания, главным образом по большим праздникам⁵.

В Тульской губернии сложилась практика, что «на заработки уходят преимущественно младшие»: вначале братья, позднее сыновья и т.д., ибо «старшие остаются дома за хозяев». «Уходят всегда по охоте», «без всякого принуждения, потому что на стороне живет вольготнее»⁶.

При отсутствии или занятости младших мужчин: на военной службе, только дочери и т.п. семьи отправляли в городской отход девушек: раньше в Москву, затем в Питер и другие города, включая Варшаву⁷.

В тульских селах уже в «16-18 лет выходят замуж, засидевшиеся же отправляются» по крупным городам работать прислугой: горничными и няньками, кухарками и прачками. Часть девушек «после свадьбы вместе с мужьями уходят на фабрики», главным образом ткацкие.

Развитие отхода способствовало распространению поздних браков с последующим уменьшением рождаемости. Родители были вынуждены даже использовать меры принуждения: «Часто сына не бывает дома, он живет где-нибудь на стороне, а ему уже приготовили невесту и зовут домой жениться». В случае отказа его или будущей невесты «их отчасти просьбами, а то угрозами и даже побоями заставляют согласиться»⁸.

Аналогичные факты известны и о южном направлении миграций. Так, в с. Цуриково Фатежского уезда Курской губернии перепись 1911 г. выявила 24 семьи с «дальним отходом», или 26% всех дворов села. Общая численность отсутствующих людей – 27 мужчин и 2 женщины: все на Юге, главным образом донбасские шахтеры и заводские рабочие, крестьянки устроились городскими служанками.

Возрастные группы отходников: моложе 20 лет (от 17 и более) – 4 чел., или 14%; от 20 до 40 – 23 лица (включая незамужнюю прислугу), или 79%; старше 40 лет (до 42 и менее) – 2 чел., или 7%. Отходничество было круглогодичным (летом бывали дома всего двое рабочих), живут там без семей.

Годовое поступление из отхода на родину заработанных средств колебалось в диапазоне от 10 руб. (у 17-летнего) до 450 (у 42-летнего). Половина хозяйств с отхожими рабочими не держали лошадей, многие сдали в аренду землю, а одна семья даже не имела своей избы⁹.

Типичная картина возврата работника фабрично-заводской индустрии и женской прислуги рисуют данные по курской деревне: супруги из бедноты, отработав с 1894 г. «несколько лет» в пос. Юзовке Екатеринославской губернии «вальцовщиком» и «кухаркой», «смогли накопить денег, после чего они уехали в деревню, где построили хату, купили

⁴ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 4. Д. 1108. Л. 2-20б.

⁵ ГАТО. Ф.4. Оп. 12. Д. 441. Л. 19-190б.

⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1736. Л. 30-300б.; Д. 1742. Л. 5.

⁷ См.: ГАТО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1190. Л. 129, 201, 250, 266, 279, 330, 390, 459; Д. 1284. Л. 437-439, 445, 484-485, 488; Оп. 12. Д. 441. Л. 4, 13, 18, 26.

⁸ АРЭМ. Ф.7 Оп. 1. Д. 1734. Л. 8-9; Д. 1742. Л. 8.

⁹ См.: Государственный архив Курской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 364 (2). Л. 1-960б.

землю, лошадь и т.д.»¹⁰ Большие средства собирали единицы, главным образом в торговой области. В сведениях о рязанцах за 1898 г. упоминается случай как «смышленный парень, нуждой выгнанный из родного села, попадает в Москву за стойку кабака, содержимого земляком. Всякими правдами и неправдами сколотив деньжонок, приобретя кабацкий лоск, умение общаться с нужными людьми и глубокое убеждение, что с деньгами все можно, он возвращается на родину и пользуясь безвыходным положением своих односельчан, начинает их жать. Обыкновенно такой человек открывает свое дело, т.е. открывает трактир, лавочку, чайную. Приобретя "положение" в крестьянском обществе, он арендует у соседнего помещика участки пахотной земли, сдает их от себя в аренду или обрабатывает сам, пользуясь трудом задолжавших ему крестьян», что порождает к нему «скрытую ненависть со стороны бедняков, т.е. большинства села»¹¹.

Обратимся к статистике, рисующей места отхожего труда.

Перепись жителей Москвы от 31 января 1902 г. выявила 1,1 млн. чел., показав наличие 791 тыс. неместных уроженцев, или 72,4% (здесь и далее подсчитано без округления абсолютной численности). Основная масса новоселов состояла из крестьян – 604 тыс. чел., из которых 90 тыс. жили там «менее года», или 15,0% (здесь и далее подсчеты в процентах к 600 тыс., указавшим время вселения). С 31 января 1901 по 1892 г. осели 487 тыс., или 64,6%; за 1891–1882 гг. – 125 тыс., или 20,8%; ранее 1882 г. – всего 87 тыс., или 14,6%¹².

В 1910 г. (15 дек.) подобным обследованием Петербурга соответственно насчитали 1,9 млн. всех жителей при доле мигрантов в 1,3 млн, или 68,0%. Пришлых крестьян в столице оказалось 986 тыс., включая 164 тыс. новичков «1910 г.», или 18,3% (здесь и далее к 185 тыс. с отметкой точного времени прибытия). За время с 15 декабря 1910 по 1901 г. прибыли 563 тыс., или 62,9%; за 1900–1891 гг. – 191 тыс., или 21,3%; с 1890 по 1881 г. – 83 тыс., или 9,3%; за 1880–1871 гг. – 39 тыс., или 4,4%; раньше 1871 г. – только 19 тыс., или 2,1%¹³.

В итоге столицы рисуют схожие черты ротации, в т.ч. возврат в деревню большинства отходников в первое десятилетие своего пребывания на городских заработках. В последующее время динамика возвращения селян, благодаря их адаптации, происходила медленнее. Однако к исходу 40-летия трудовой деятельности и накануне наступления боления в городах фактически оставались единицы (чуть более 2% на весь Питер, а значит и в Москве), преимущественно наиболее квалифицированные рабочие, часто вместе со своей семьей; а также немногочисленные владельцы мелких заведений сферы обслуживания и т.п., живущие там семейно. Данная возрастная группа включала в столицах и раскрестьяненную прослойку люмпенизированных элементов.

Данные о ткачах г. Москвы за 1899 г. (1,4 тыс. чел.) – в основном крестьян ближайших губерний с давним развитием столичного отхода: Рязанской, Тульской, Московской, Смоленской, Тверской – свидетельствуют о сформировавшемся потомственном отходничестве, поскольку отныне 55,6% фабричных кадров являлись детьми бывших мигрантов, вынужденных возвратиться в свои села. Первое поколение в городском отходе составляли 44,4% тружеников. По всем рабочим средний стаж отхода в Москву остался небольшим – лишь 10,3 года. Преобладали молодые возраста работников: от 15 до 25 лет – 50,6%, 26–35 лет – 32,1%, 36–45 лет – 13,4%, 46–55 лет – 3,7% и т.д. при среднем возрасте в 27,5 лет.

Наибольший отсев неспособных освоить новую профессию происходил среди молодежи, ибо средний возраст начала отхода был «равен 17 годам». Костяк квалифицированных кадров складывался из оставшихся, которые вскоре вступали в возраст трудовой зрелости. Поэтому «фабрика по преимуществу эксплуатирует рабочего, когда он обладает наибольшей работоспособностью. По мере же того, как с повышением возраста эта работоспособность падает, фабрика освобождается от таких рабочих, заменяя их более молодыми», т.к. «фабрика предпочитает рабочих в возрасте до 40 лет».

Дополнительный импульс имел сельское происхождение: когда фабричный «рабочий достигает приблизительно 40-летнего возраста, в это время его отец [дома. – А.К.] за старостью

¹⁰ Историко-бытовые экспедиции, 1951–1953: Материалы по истории пролетариата и крестьянства России конца XIX – начала XX века. М., 1955. С. 73.

¹¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1445. Л. 47.

¹² Перепись Москвы 1902 года. Ч. I: Население. Вып. 1. М., 1904. С. 3, 11.

¹³ Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. Ч. I: Население. Отд. 2. Пг., 1915. С. 2, 291–293.

выбывает из работников, и тогда рабочий оказывается вынужденным вернуться в деревню, чтобы не бросать хозяйство», а отхожую карьеру начинал его сын или дочь¹⁴.

В молодой бакинской индустрии наоборот доминировали новички из крестьян черноземных и поволжских губерний, которые находились в значительном удалении от места отхожего труда, что лишало семью помощи в полевых работах. На 1903 г. из 46 тыс. пришедших рабочих 23,8% жили в Баку менее года, от 1 до 5 лет – 45,8%, от 5 до 15 лет – 20,4% и более 15 лет – всего 7,0% (по 2,0% информация отсутствует), что «очень выпукло характеризует бакинский пролетариат – его неустойчивость, текучесть и периодическую смену»; работавшего «в бакинском районе лишь известный срок, после которого он неуклонно возвращается домой и снова берется за соху. На место возвращающегося из деревни идет на смену в Баку новый обладатель свободных рук, представитель более молодого поколения, которое и держит возрастную среднюю между 20–30 годами».

Важное значение имела потеря здоровья, поскольку «с каждым годом организм промышленного рабочего изнашивается все сильнее и сильнее, и к сорока годам он превращается в большинстве случаев в инвалида, неспособного от преждевременной старости и болезней к производительному труду. Уходит на родину он не по своей воле и гонит его туда не поэтическая тоска по ней, а тяжелая, глубоко прозаическая необходимость»¹⁵.

В 1908 г. обследование бюджетов петербургских рабочих (600 чел., но отражающее все специальности) из разных уголков России привело к выводам, что «ряды пролетариата пополняются у нас не пролетарскими детьми, а пришельцами со стороны, из крестьянства». Главным образом это «одинокое рабочее», поскольку молодой «крестьянин пришедший из деревни в Петербург на заработки редко обзаводится семьей», а позднее «числом детей его семья меньше» обычной¹⁶.

В порядке заключения отметим, что крестьянский отход в ротационной форме породил в деревне новый образ жизни, который обладал чертами особого социума, имевшего характер социального симбиоза и циклическую динамику. Типичный отхожий работник проводил детство в деревне, с юности жил в городе с обязательным поддержанием связи с селом, возвращаясь к земледелию в пределах среднего возраста, отправляя (бывшие в отходе без своей семьи) или оставляя (кто проживал там семейно) на городских заработках подросшее потомство: чаще – сыновей, реже – дочерей.

В частности, ротация объясняет длительную слабость результатов революционной пропаганды рабочих в городах. Только в тяжелое время Первого мировой войны, когда занятые в оборонной сфере экономики мужчины получили отсрочки от всех мобилизаций в вооруженные силы, ротационная замена отходнических кадров впервые приостановилась, что быстро стабилизировало коллективы промышленных предприятий, обеспечив идею обработку мигрантов, а позднее их участие в свершении Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

ROTARY CHARACTER OF PEASANTS, DEVIATION IN RUSSIA AT THE BORDER OF THE XIX–XX-TH CENTURIES

A.N. KURTSEV

Kursk State University

e-mail:

historuss@mail.ru

The article is the first specific research of rotary deviation. On the basis of archivist data, statistic materials and narrative publications the main points, the most important manifestation and the meaning of the rotation, including the author's conclusion about the presence of life's cycle, typical of migratory movement are revealed. That is village's childhood, youth in deviation and coming back home in 10–20 years, where a former citizen spent his old age, sending his grown up posterity to earn their living.

Key words: history of Russian migration, rotary form of peasants' deviation, the most important manifestations, the meaning.

¹⁴ Шестаков П.М. Рабочие на мануфактуре Т-ва «Эмиль Циндель» в Москве: статистическое исследование. М., 1900. С. 18–25, 53, 75.

¹⁵ Петрович П. Рабочие Балканского нефтепромышленного района. Тифлис, 1911. С. 28–29, 35, 45.

¹⁶ Прокопович С.Н. Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909. С. 5–7.